

В. Д. Черный

**РУССКИЕ
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
САДЫ**

Валентин Дмитриевич Черный

Русские средневековые сады: опыт классификации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=291472

*Русские средневековые сады: опыт классификации.: Рукописные памятники Древней Руси; Москва; 2010
ISBN 978-5-9551-0371-6*

Аннотация

В монографии предпринимается попытка оценить сады средневековой Руси с точки зрения их назначения, семантики и организации. При этом они рассматриваются как часть культуры, тесно связанная с её общим развитием, основанная на традициях и готовая к восприятию нового. Выделяются и анализируются все основные разновидности садов с догосударственного периода до конца XVII столетия. Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся этой темой.

Содержание

Введение	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валентин Дмитриевич Черный

Русские средневековые сады: опыт классификации

Введение

Сад – маленький мир, создаваемый человеком в соавторстве с природой. Таковым он был в эпоху неолита, когда только зарождалось производящее хозяйство, таким он остается и сейчас. В то же время, отвечая запросам своих создателей, сад в разные времена обретал особый состав, облик и смысл, при этом сохраняя в себе устойчивую память о прошлом, местных традициях.

Мы привыкли называть садом «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами»,¹ но в Средневековье круг значений, производных от глагола *сажать* или *садить*, был более широким. Под ним понималось все, что каким-либо образом привязано к определенному месту – посажено в землю или иным способом локализовано.² Отсюда

¹ Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. М., 1953. С. 638.

² Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репр. изд. М., 1989. Т. 3. Ч.

пристекало множество истолкований, переходящих как на объекты, не связанные с растительностью (например, садом или садком было принято называть сооружения для содержания пойманной рыбы, огороженное и специально обустроенное место, куда сажали отловленных диких животных³), так и от них – на сад в его нынешнем понимании.

Садоводство – часть истории культуры. Выявить многообразие садов, понять заложенный в них смысл и оценить художественный облик невозможно без глубокого погружения в сложный контекст определенной эпохи и конкретного освоенного пространства.

Сад представлял собой не просто набор различных растений, разведение которых было предопределено природно-климатическими условиями и местными традициями. Его статус и состав отражали мировоззрение и художественные вкусы населения, связывавшего насаждения с исходным образом сада.

В отличие от леса (т. е. дикой природы) сад в Средние века не только вызывал эстетические чувства, но и в соответствии с культурными установками формировал художественный образ, созвучный другим произведениям искусства. Своеобразие его облика наряду с характером и составом растений также зависело от ландшафта местности, архитектурных комплексов, в пределах которых он насаждал-

1. С. 239–243; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Т. 23. С. 12–17 и др.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Т. 12. С. 250–253 и др.

ся, и отдельных сооружений, нашедших место на территории самого сада.

* * *

Сад, в том числе древнерусский, как неоднородное явление культуры, включающее проблемы освоения окружающей человека природы, биологии, архитектуры, общественной мысли и многие другие, стал объектом всестороннего изучения.

Интерес к русскому средневековому саду проявился сравнительно поздно, только в 40-е гг. XIX столетия. На протяжении же XVIII – начала XIX в. основное внимание общества было сосредоточено на вопросах практического садоводства и усвоения соответствующего западноевропейского опыта.⁴ Только на волне национально-освободительного движения и мощного подъема самосознания, начавшегося в ходе Отечественной войны 1812 г., в России оформилось глубоко уважительное отношение к своей истории и культуре,⁵ что в конечном счете сказалось и на появлении работ о древнерусских садах.

⁴ См.: *Осипов Н. П.* Новый и совершенный русский садовник, или Подробное наставление Российским садовникам, огородникам и наипаче любителям садоводства. СПб., 1793.

⁵ *Вздорное Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 23–24.

Первым обратился к данной теме И. М. Снегирев, опубликовавший в 1842 г. обзорный очерк о московских садах с древних времен до XIX столетия.⁶ Основная часть этой работы была построена на материале летописей и приходно-расходных книг.

Выход в свет этого очерка И. М. Снегирева способствовал тому, что тема истории русского садоводства получила дальнейшее развитие в отечественной науке. Буквально через несколько лет появляется заметка В. Макарова о средневековых садах в Москве (1846).⁷ Эта статья также производит впечатление очерка, в котором бегло описываются наиболее известные сады, находившиеся в непосредственной близости от Кремля – в Садовниках и в районе Васильевского луга (т. е. на левом берегу Москвы-реки от кремлевских укреплений до Яузы).

Сам же И. М. Снегирев выпустил в 1853 г. еще один очерк, посвященный московскому садоводству до Петра I,⁸ в котором попытался выделить и охарактеризовать различные виды бытовавших в то время садов. Среди них автор выделяет «специальные», к которым относит яблоневые и вишневые; «красные» (по его словам, «увеселительные, изящ-

⁶ Снегирев И. М. О садах в Москве до XIX века // Журнал садоводства. М., 1842. № 11.

⁷ Макаров [В.]. Древнейшие сады в Москве (отрывок большого описания садов Московских) // Журнал садоводства. М., 1846. № 5. С. 82–85.

⁸ Снегирев И. Взгляд на историческое древнее садоводство в Москве до Петра I. М., 1853.

ные, верховые, комнатные...») и «аптекарские». При этом исследователь опирался преимущественно на архивные данные: приходно-расходные книги и некоторые другие документы Министерства иностранных дел и материалы переписи 1702 г. В то же время ряд фактов историк брал не непосредственно из исторических памятников (например, летописных), а из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Впрочем, это не мешает признать очерки И. М. Снегирева основополагающими в разработке темы древнерусского садоводства.

Отдельные аспекты организации садоводства в дворцовых селах были отмечены И. М. Снегиревым в статье о селе Измайлово (1877).⁹ Здесь, с опорой на Расходную книгу Приказа тайных дел 1670 г., ученый называет две основные группы людей, причастных к «садовому строению», – «садовников» и «садовых мастеров». При этом, судя по выпискам из источников, основную часть последних составляли иностранцы и выходцы из южнороссийских, украинских земель.

Также в основном на московском материале XIV–XVII вв. строит свою обзорную работу, опубликованную в 1864 г., В. И. Собчаков.¹⁰ Помимо уже известных фактов, связанных с историей русских садов, обнаруженных И. М. Снегиревым,

⁹ *Снегирев И. М.* Дворцовое село Измайлово // Русские достопамятности. М., 1877.

¹⁰ *Собчаков В. И.* Краткий очерк садоводства в Москве до Петра I // Журнал Российского общества любителей садоводства в Москве. М., 1864. Кн. 2. С. 70–84.

автор приводит ряд новых, почерпнутых из духовных грамот русских митрополитов, «Домостроя», Травников, записок иностранцев и некоторых неназванных источников. Из последних представляет интерес информация о насаждении в XV в. сада у двора великого князя Ивана III в Кремле.¹¹

Наиболее полно московские средневековые сады были охарактеризованы в исследованиях И. Е. Забелина. Ученый, не без влияния И. М. Снегирева, главным образом сосредоточился на садах XVII столетия, которым был посвящен специальный очерк (1856).¹² В нем автор стремится обобщить уже известную информацию о московском садоводстве, дополнив ее не использованными ранее свидетельствами иностранцев, некоторыми деталями по поводу местонахождения садов, исходя из данных первых городских планов и некоторых других источников. Следует заметить, что и в последующих работах И. Е. Забелина, не имеющих прямого отношения к истории отечественного садоводства, эта тема не выпадает из поля его зрения. В них в основном отдается должное дворцовым садам и их месту в царском быту¹³ и в

¹¹ Собчаков В. И. Краткий очерк садоводства в Москве до Петра I // Журнал Российского общества любителей садоводства в Москве. М., 1864. Кн. 2. С. 74.

¹² Забелин И. Е. Московские сады в XVII столетии // Журнал садоводства. 1856. № 1. Кн. 2. С. 43–53. № 2. Кн. 8. С. 91—122. То же // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. М., 1873. Ч. 2. С. 206–321.

¹³ См.: Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1862. Ч. 1.

системе архитектурных комплексов Московского Кремля.¹⁴

В 1887 г. увидела свет газетная заметка Н. Дубенского о монахах как первых садоводах на Руси.¹⁵ Именно с черным духовенством автор связывает зарождение и самые заметные достижения отечественного садоводства. Ссылаясь на некое «известие», Н. Дубенский пишет, что сады «они разводят, начиная конечно с Киева и Киевского княжества, при княжеских теремах и при устраиваемых ими монастырях». В статье появление садов во Владимиро-Суздальском княжестве относится ко второй половине XII в. В качестве примера здесь указывается на устройство сада при загородной резиденции князя Андрея Юрьевича в Боголюбове. К числу активных распространителей садов в окрестностях г. Владимир причисляются митрополиты Петр и Алексей. Речь идет о насаждении «Патриаршего и Добросельского, при бывшем там монастыре с загородною при нем дачей святителя Алексия». Отсюда, по версии автора, но уже позже, происходит сорт васильевских вишен, которые «по преданию были перенесены сюда в начале XVIII века. грузинским патриархом с родины св. Василия Кесарийского, почему и называются Васильевскими.» Кроме владимирских, в круг наиболее значительных старинных садов включаются Муромские, Вязниковские, Ярополчьи, Гороховецкие и Суздальские. Из

¹⁴ См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 520–522.

¹⁵ *Дубенский Н.* Монахи – первые садоводы в России // *Московские ведомости.* 1887. № 359. С. 4.

суздальских особенно выделяется сад Спасо-Евфимиева монастыря. Из подмосковных к таковым относятся Воробьевские, а также монастырские Троице-Сергиевские, Донские и Николо-Угрешские сады.

Оценивая данную статью, нельзя не отметить, что даже отсутствие в ней четких указаний на источники тех или иных сведений не дает усомниться в том, что в ее основе лежали в том числе и не дошедшие до нас исторически достоверные факты.

В газетной публикации о прошлом и настоящем московского садоводства Н. Тонин¹⁶ стремится не просто пересказать читателю уже известные данные по теме, но и сообщить еще не опубликованные свидетельства. На это, в частности, указывает замечание автора, что И. М. Снегирев и И. Е. Забелин в своих исследованиях о садах пользовались одними и теми же источниками. Судя по содержанию статьи, Н. Тонин, кроме материалов, активно использованных упомянутыми им специалистами, опирался на топонимику Москвы, договорные и духовные грамоты великих князей, духовные грамоты митрополитов, писцовые книги, Соборное уложение 1649 г. Исследователь также указал на ряд памятников народной культуры, где имелись упоминания о садах, – сборник Кирши Данилова, пословицы и поговорки, песни и проч. Едва ли не лейтмотивом данной публикации Н. Тонина была

¹⁶ Тонин Н. Подмосковное садоводство. Его прошлое и настоящее // Русский справочный листок. 1889. № 7, 8.

мысль о гораздо более древнем происхождении московских садов, чем это принято было считать (обычно их появление относили к временам царя Алексея Михайловича). Правда, более четкого ответа на данный вопрос автор не дает. При этом истоки русского садоводства в Москве связываются с духовенством. В статье также обращает на себя внимание приведенный ассортимент наиболее употребляемой огородной продукции, которая здесь не отделяется от садовой, что, впрочем, для Средневековья оправдано. По мнению автора, «до конца XVII века предки наши не знали почти другой огородной зелени, кроме капусты, чесноку, луку (которым особенно прославились верейцы-луковники), огурцов, редьки, свеклы и дынь». Впрочем, по поводу дынь Н. Тонин вносит определенное уточнение: «...дыни еще в начале XVI столетия были тщательно разводимы». Что касается салата, то, по версии автора, русские его не разводили до середины XVII в., когда «образ мыслей их и вкус изменился». До этого же, по его словам, «предки наши. издевались над иностранцами, говоря, что немцы полевою траву жрут как скоты». Увлечение же разного рода кореньями, спаржей и артишоками Н. Тонин относит уже к началу XVIII столетия. Признавая несомненную ценность ряда приведенных в газетной публикации фактов, нельзя не посетовать по поводу отсутствия в ней прямых указаний на источники.

В 1892 г. вышла из печати книга А. Э. Регеля, уже в заглавии которой – «Изящное садоводство и художественные

сады»¹⁷ – проявилось стремление исследователя обратиться к оценке декоративных качеств садов. В работе отражаются два аспекта темы – исторический очерк и практические рекомендации по разведению садов. Сравнительно небольшая часть издания посвящена древнерусскому садоводству. Автор оперирует в основном уже известным по ранее опубликованной литературе материалом и выделяется своим истолкованием отдельных явлений и понятий. Так, не обосновывая своей точки зрения, А. Э. Регель по сути дела низводит монастырские декоративные сады до уровня цветников. В свою очередь, монастыри с такого рода садами толкует как «рай-города», упоминания о которых встречаются в древнерусских источниках: «Монастыри впервые начали разводить цветники и руководствуясь примером Библии назвали их раем или рай-городом».¹⁸ Впрочем, такая идентификация монастырей представляется нам слишком прямолинейной.

Обращает на себя внимание и трактовка А. Э. Регелем садов, называемых «красными». К таковым он относит сады, которые считались «потешными» и «отличались особой красотой цветов и насаждений, и, возможно, изящным – т. е. пестрым, узорчатым – убранством. но утилитарной цели. при этом не утратили.»¹⁹ На наш же взгляд, не все «красные

¹⁷ Регель А. Э. Изящное садоводство и художественные сады: Историко-дидактический очерк. СПб., 1896. С. 8—22.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Регель А. Э. Изящное садоводство и художественные сады: историко-дидак-

сады» признавались современниками «потешными», т. е. созданными для забавы, игры, да и наименование их «красивыми» в данном случае не адекватно передает смысл этого понятия.

Впервые на анализе новгородских средневековых садов остановился В. С. Передольский в особом разделе своей книги о новгородских древностях, опубликованной в 1898 г.²⁰ Видя своеобразие Новгорода в демократических традициях общественного строя, автор переносит эти установки и на сады, которые, по его убеждению, были здесь не только частными, но и общественными. Не приводя убедительных доказательств, В. С. Передольский утверждал: «В Новгороде, несмотря на всю тесноту построек, сады существовали во времени его самобытия, и были достоянием общим».

Краевед выделяет два общественных сада. Один из них, по его мнению, был на Славне («Рля»), куда «сходились деловые торговые люди и для отдыха, и для беседы». Другой помещается им также на Торговой стороне в районе подворья Хутынского монастыря на том основании, что на Знаменском плане XVII в. на этом месте показана ограда без ворот, окружающая насаждения. Таким образом, в данном случае как бы обосновывается доступность этого сада. «Здесь было. или могло быть буйвище, т. е. древнее кладбище. – пи-

тический очерк. СПб., 1896. С. 14.

²⁰ *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород. 1898. С. 326–330.

шет В. С. Передольский, – учреждение общественного сада на месте кладбища не противоречит ни древнему, ни современному взгляду на место усопших». Судя по всему, речь здесь идет не о саде, а о церковной территории, которая иногда и определялась словом «буевище».²¹

Как образец частного сада В. С. Передольский рассматривает Варбузьевский (Арзубьевский) сад на Никитине улице, который тоже считается «доступным для всех». Основанием для этого заключения ему служит летописное свидетельство о пожаре 1508 г., когда в Арзубьевский сад, спасаясь от огня, сбежались «мнози же человецы, с женами и детьми и с животы своими», поскольку там «быша кладезь много.».

Похоже, только стремление людей к спасению может объяснить их вторжение на чужую территорию, а не открытость этого сада для всех.

Несмотря на спорность ряда положений В. С. Передольского, использованный в его книге материал представляет любопытные факты, требующие дальнейшего осмысления.

На протяжении первой половины XX столетия можно отметить почти полное отсутствие трудов, посвященных русским средневековым садам. И дело здесь не только в сложной обстановке в стране в эти годы, что стало причиной резкого снижения количества исторических изысканий, но и в иных тематических приоритетах исследований. На смену ар-

²¹ См.: Янин В. Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде // В. Л. Янин. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 191.

хеологии XIX в. – универсальной науке о древностях – и выросшему на ее основе культурно-историческому подходу к анализу источников приходят исследования, ограниченные рамками отраслевых задач. Материал по древнерусскому садоводству, крайне скудный и разрозненный, не обеспечивает требований научных дисциплин на данном этапе, а время его интегрированного изучения еще не пришло.

В этом плане показательна фундаментальная монография В. Я. Курбатова о садах и парках (1916),²² в которой автор сокрушается по поводу «чрезвычайно редких и неполных» описаний средневековых насаждений. В этой книге со всей определенностью отрицается художественное значение допетровских садов, хотя и признается их весьма широкое распространение в поместьях высших слоев русского населения.

Очередной этап в разработке интересующей нас темы представляют исследования архитектора С. Н. Палентреер, подготовившей в 1945 г. кандидатскую диссертацию о садах XVII в. в Измайлове,²³ а в 1956 г. опубликовавшей на ее материале фундаментальную статью.²⁴ Примечательно, что

²² См.: Курбатов В. Я. Сады и парки. СПб., 1916.

²³ Палентреер С. Н. Приемы композиции подмосковных парков XVII и XVIII вв. (По материалам Архива древних актов, дополненным материалами Военно-исторического архива и обмерами с натуры). Дис. ... канд. иск. М., 1945. РГБДК 48/39.

²⁴ Палентреер С. Н. Сады XVII века в Измайлове // Сообщ. ин-та ист. иск. АН СССР. Архитектура. М., 1956. Вып. 7. С. 80—104.

только история о создании образцового дворцового хозяйства в Измайлове в достаточной мере обеспечена источниками, в то время как об обстоятельствах насаждения других русских средневековых садов и их своеобразии известно несравненно меньше.

Наряду с письменными источниками, введенными в научный оборот И. М. Снегиревым и И. Е. Забелиным, С. Н. Палентреер использует планы Измайлова XVII в., которые и стали основой ее исследования. Автор детально разбирает застройку государева двора, расположение островного сада относительно дворца и общую конфигурацию насаждений («сад, известный в описях XVII века как Островной, имевший форму трапеции»). Правда, как с сожалением отмечено в исследовании, «на планах разбивка этого сада не показана». С. Н. Палентреер также анализирует три чертежа так называемого Виноградного сада, представлявшего сочетание сельскохозяйственных и фруктово-ягодных культур. По определению ученого, «Виноградный сад имел утилитарное назначение, лишь центральный его участок, где были устроены «беседки разными образцами, писаны красками», предназначался для увеселения и отдыха. Исследователь также уделяет внимание Аптекарскому саду, план которого имел форму круга; Просяному саду, который «чрезвычайно интересен своей сохранныостью, указанием ассортимента растений и изображением архитектурных деталей». Здесь, в частности, отмечается принцип расположения деревьев (в шах-

матном порядке), «живая изгородь» из кустов черной и белой смородины, а также деревянная ограда, с пряслами, выкрашенными в красный цвет. Анализ конкретных планов приводит С. Н. Палентреер к подтверждению наблюдения И. Е. Забелина о замкнутости композиции средневековых садов и их «обращению внутрь».²⁵

Исследование С. Н. Палентреер имеет и большое практическое значение. С опорой на него в 70-е годы было проведено обследование ландшафта территории Острова и всего Измайловского лесопарка, разработано технико-экономическое обоснование и эскизный проект реставрации историко-архитектурного заповедника «Измайлово». Информировав об этом в своей краткой обзорной статье (1981), И. Б. Цирпис,²⁶ один из авторов проекта, обращает внимание на общее планировочное решение местности и художественную организацию основных ее объектов. Композиционной осью созданного ансамбля архитектор справедливо называет долину речки Серебрянки с многочисленными запрудами, вдоль которой размещались сады и хозяйственные дворы, а доминантой – монументальный Покровский собор. Наибольший интерес в данной работе вызывает приложенная к ней ре-

²⁵ См.: *Забелин И. Е.* Московские сады в XVII столетии // *И. Е. Забелин.* Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. С. 266.

²⁶ *Цирпис И. Б.* Измайлово. Дворцово-парковый ансамбль второй половины XVII в. // Охрана и реставрация памятников архитектуры: опыт работы мастерской № 13. М., 1981. С. 146–151.

конструкция плана Измайлова и его окрестностей на вторую половину XVII в., представленная в масштабе 1:10000. На этой схеме четко обозначены запруды и пруды, уточнено, по сравнению с планом С. Н. Палентреер, положение садов относительно речки Серебрянки.

В рамках рассмотрения истории застройки Москвы в капитальном труде П. В. Сытина²⁷ затрагивается и тема садов. Наряду с основной своей задачей – указать местонахождение садов – исследователь стремится оценить и их своеобразие. Учитывая уже вошедшие в научный оборот данные, прежде всего из работ И. Е. Забелина, П. В. Сытин особенно внимательно анализирует планы Москвы XVII в. – так называемые «Петров», «Сигизмундов», чертеж Олеария. В частности, ученый отметил, что «за р. Пресней близ Москвы-реки показан большой сад с садовническими дворами округ (...) близ последнего Пресненского брода —.государев новый сад». Средоточие боярских садов на плане Олеария было зафиксировано в восточной части Китай-города. Похоже, именно планы города убедили автора в повсеместном распространении в Москве плодовых садов, соединенных с огородами. П. В. Сытин не допускает мысли о существовании декоративных садов до XVII столетия: «Декоративные сады появились в этом веке в зачаточном состоянии лишь в Кремле, в селах Покровском и Измайлове, да на Крутицком подворье митрополитов.»

²⁷ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. М., 1950. Т. 1.

В своей монографии о русских регулярных садах и парках Т. Б. Дубяго²⁸ кратко останавливается и на истории садоводства позднего Средневековья. Особое внимание исследователь уделяет усадебным садам, преимущественно загородным. В работе описывается планировка усадеб, расположение и характер насаждений, местонахождение прудов относительно жилища владельца. В то же время Т. Б. Дубяго не приходит к определенным заключениям. Признавая за этими садами «регулярные приемы композиции», автор считает их главным образом утилитарными, не представлявшими собой «единого, заранее спланированного ансамбля».

Затрагивает проблему садоводства в системе средневековых усадебных комплексов и О. С. Евангулова в монографии о садово-парковых ансамблях Москвы первой половины XVIII в.²⁹ Рассматривая в качестве примера дворцовую усадьбу в с. Остров, исследователь высказывает версию о закономерностях художественной организации подобных архитектурных ансамблей. В частности, по словам автора, «основную художественную роль в хозяйственных усадьбах играет церковь и колокольня, а не жилые хоромы». При этом отмечается соседство рядом со «скромным двором» большого плодового сада и конюшенного двора. В другой усадьбе, созданной на рубеже XVII–XVIII вв. на берегу Яузы для

²⁸ Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963.

²⁹ Евангулова О. С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969. С. 9—25.

Ф. А. Головина, которую можно отнести к городской, О. С. Евангулова замечает наличие декоративного сада по сторонам парадного центра, обращенного к реке, где наряду с крытыми аллеями были устроены увеселительный павильон и фонтан, а стриженные деревья имели форму пирамид и луковиц.

Особый аспект, связанный с историей культивирования в русских ботанических садах новых видов и сортов растений, выделил в своей монографии в качестве основного Б. Н. Головкин.³⁰ Средневековый период автор подразделяет на два этапа. На первом, считает исследователь, главным смыслом культивирования одних растений в саду было их приближение к месту использования, других – их редкая встречаемость. А на втором этапе в качестве основной функции ботанических садов рассматривается появление своего рода «садов-диспетчеров» и «садов-посредников», через которые районировали проверенные полезные растения, пересылая их в подчиненные сады для дальнейшего размножения и внедрения в производство. Очевидно, что Б. Н. Головкин оценивает интродукцию растений с точки зрения утилитарных потребностей общества. В круг таких культур, в частности, включаются пряные, лекарственные, ароматические и некоторые технические растения. Однако применительно к эпохе Средневековья рациональная оценка побудительных

³⁰ Головкин Б. Н. История интродукции растений в ботанических садах. М., 1981.

мотивов к началу разведения тех или иных культур не всегда оправдана. Зачастую в то время причина их введения в обиход крылась в Священном Писании и другой религиозной литературе и связывалась с отмеченной там сакральной значимостью отдельных видов деревьев, кустарников, цветов.

Принципиально по-новому формулирует цель своего исследования Д. С. Лихачев.³¹ В своей монографии ученый на материале европейского садово-паркового искусства стремится вопреки господствовавшему до этого подходу историков архитектуры изучать «зрительные аспекты садов», поставить во главу угла семантику произведений. В работе охватывается период от Средневековья до середины XIX в., в рамках которого уделяется внимание и отечественным садам и паркам, в том числе древнерусским. Д. С. Лихачев целенаправленно обращает внимание на факты рациональной организации ряда древнерусских насаждений, указывающие на «благоустроенный порядок, не испорченный грехом природы». Согласно замечанию автора, в Древней Руси «особое значение имели монастырские сады». Их визуальный образ в самых общих чертах, по мнению исследователя, представлен «изображениями сада как символами рая, Богоматери и т. д.» на иконах. В книге впервые дан перечень из шестнадцати таких памятников с очень краткими описаниями.

³¹ *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л., 1982; См. также: *Лихачев Д. С.* Сад и культура России // Декоративное искусство СССР. 1982. № 12. С. 38–45.

Впрочем, на наш взгляд, отыскать в иконах черты, хотя бы отдаленно воспроизводящие облик обительных насаждений, вряд ли возможно.

Светские сады исследователь рассматривает преимущественно на материале дворцовых садов XVII столетия. Тем не менее по косвенным данным Д. С. Лихачев заключает, что «светские сады в России были уже не позднее XVI в.» и что они «украшались», т. е. не были чисто утилитарными. В целом же средневековый сад, по определению ученого, «символизировал собой райскую вечность и неизменяемость, неизменяемое начало красоты». Принципиально важным является высказанное Д. С. Лихачевым положение о том, что «история садово-паркового искусства теснейшим образом связана с другими искусствами.». И хотя автор выделяет здесь прежде всего поэзию и пейзажную живопись, в ходе исследования также указываются многочисленные примеры зависимости садов от архитектуры и градостроительства, религии, философии, политики, а также от различного рода культурных влияний.

Общую картину развития русского садово-паркового искусства, главным образом с точки зрения оценки приемов архитектурно-пространственной композиции, пытались представить в своих совместных монографиях А. П. Вергунов и В. А. Горохов.³² В то же время, говоря о русском

³² Вергунов А. П., Горохов В. А. Русские сады и парки. М., 1988; *Они же*. Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века). М., 1996.

Средневековье, исследователи признают: «...наши сведения об устройстве садов древнерусского города носят по преимуществу общий характер и явно недостаточны, чтобы делать определенные выводы об их оформлении или планировочной организации». С одной стороны, это признание продиктовано объективными причинами – состоянием источниковой базы по данному периоду. С другой – нацеленность исследователей на вопросы ландшафтной архитектуры отодвигает в тень некоторые другие важные аспекты изучения средневековых садов, в частности их семантику, типологию и проблему своеобразия насаждений в русских землях. По мнению авторов, древнерусским садам свойственна «привязанность» к природному окружению, либо к «крепостным стенам и местам, свободным от жилой застройки». Эта точка зрения вполне согласуется с другим выводом, согласно которому вплоть до XVII в. утилитарная, хозяйственная функция преобладала в отечественном садоводстве. Особую роль в развитии русского средневекового сада ученые отводят монастырским насаждениям, характерной особенностью которых называют «тесную связь с архитектурой зданий, замкнутость в пределах высоких монастырских стен и построек». Здесь выделяется два типа садов: большие плодовые сады за стенами монастыря и «малые, в основном декоративные палисадники вблизи келий и церквей внутри монастыря». Оценивая в целом достижения монахов в садоводстве и ссылаясь на мнение А. Э. Регеля, авторы считают, что именно иноки

оказали воздействие на подъем русского садово-паркового искусства в XVI–XVII вв.

Достижения же светского садоводства этого же периода А. П. Вергунов и В. А. Горохов рассматривают на примере московских садов – дворцовых, боярских, аптекарских и верховых, многие из которых уже «не ограничивались хозяйственными функциями, а имели определенное представительское (репрезентативное) или даже просветительское назначение». Если боярские плодовые насаждения расцениваются исследователями как по преимуществу утилитарные с традиционной планировкой, то значение аптекарских огородов, наряду с монастырскими садами, заключается, по их мнению, в том, что они были «проводниками ботанических знаний» и предвестниками ботанических садов, появившихся в России в начале XVIII в. Воздействие на возникновение верховых садов, как отмечается ими, «мог оказать пример итальянских вилл эпохи Возрождения и Барокко», а создание некоторых из них преследовало «образовательные цели». Столь же неоднозначную оценку получили и загородные сады, предназначенные для хозяйственных нужд и для «прохлады». Решая подчас декоративные задачи, они, по словам авторов, «включали в себя плодовые деревья, кустарники, аптекарские травы», что едва ли объяснялось хозяйственной необходимостью. Скорее всего, это было неким символом, «данью устойчивой народной традиции». Таким образом, по заключению ученых, связи русских средневековых садов с

архитектурой оставались не развитыми, а «... в своем устройстве они отражают отмирающие формы бытового уклада.».

Общие вопросы истории ландшафтной архитектуры, в том числе садово-паркового искусства, затронул в своем очерке, вышедшем отдельной книгой, С. С. Ожегов.³³ Работу характеризует широкий охват темы, включающей все самые известные садово-парковые ансамбли мира с древнейших времен до XX столетия. Останавливается ученый и на ландшафтной архитектуре средневековой Руси. По его представлению, существенное отличие последней от западноевропейской определяется строительным материалом – «Европа строила из камня, а Русь была деревянной», что объясняет и недолговечность древнерусских садов, сгоравших во время частых пожаров. Тем не менее исторические факты убеждают автора в том, что «основа русской ландшафтной архитектуры была достаточно своеобразной и сильной».

Больше внимания С. С. Ожегов уделил русской ландшафтной архитектуре XVII в., где в качестве основного источника используются чертежи как передающие общую планировку, так и те, которые впервые «достоверно зафиксировали регулярные сады». Обозревая конкретные ансамбли, исследователь подчеркивает особое значение садов пригородных дворцов Коломенского и Измайлова. По мнению С. С. Ожегова, впрочем, недостаточно обоснованному, «ландшафтная композиция Коломенского формировалась вокруг

³³ Ожегов С. С. История ландшафтной архитектуры: Краткий очерк. М., 1993.

церкви Вознесения, которую считали памятником объединения Руси». Чертежи XVIII в., отразившие планировку садов Коломенского, как замечает исследователь, «не отличаются большой точностью», тем не менее передают их регулярный характер. Гораздо выше в работе оценивается достоверность планов садов в Измайлове, где, по словам ученого, «универсальные» декоративные функции посадок сочетались с их утилитарным использованием. Говоря о сложности и многообразии композиции Измайловского дворцового комплекса, С. С. Ожегов отмечает, что «регулярные сады были как бы «островками» в природной среде лужаек и роц, окружавшими смысловой центр – красочный узорчатый дворец на большом искусственном острове». Автор убежден в том, что «садово-парковое искусство России XVII в. в значительной мере подготовило расцвет русской ландшафтной архитектуры XVIII и XIX вв.».

Буквально на следующий год после публикации рассматриваемого выше очерка, в 1994 г., он был вновь опубликован уже в качестве учебного издания по истории ландшафтной архитектуры.³⁴ Как было отмечено в его предисловии, такого рода учебник в России был написан впервые.

Следует отметить, что учебные издания охватывают, как правило, классические образцы садово-парковой архитектуры, а рассказ о русских средневековых садах обычно ограничивается хрестоматийными примерами кремлевских и заго-

³⁴ Ожегов С. С. История ландшафтной архитектуры: Учеб. для вузов. М., 1994.

родных дворцовых комплексов, включавших различного рода насаждения. Бывает, период отечественного Средневековья в таких работах и вовсе игнорируется.³⁵

На этом фоне своим более полным охватом материала и стремлением четко классифицировать памятники выделяется учебник О. Б. Сокольской,³⁶ целью которого является знакомство «с путями и направлениями развития зарубежного и отечественного садово-паркового искусства и связями его с градостроительством и архитектурой». Говоря о древнерусском периоде, автор прежде всего стремится определить типы садово-паркового искусства, к каковым относит сакральные сооружения на вершинах, священные рощи, пантеоны, увеселительные рощи и гульбища, а также городские усадьбы и монастыри. На наш взгляд, все эти объекты как элементы освоенной человеком среды могут рассматриваться в рамках ландшафтной архитектуры, но, за исключением последних двух, не имеют отношения к садовому искусству, рукотворному по своей природе. Собственно сады, по мнению О. Б. Сокольской, как явление ландшафтного зодчества разбивались в составе городской усадьбы XV–XVII вв. поодаль от хором и предназначались вплоть до 60-х годов XVIII столетия для утилитарных целей. Вместе с тем, как считает автор, в крупных усадьбах «сад имел достаточно простую, по-

³⁵ См.: *Палендреев С. Н.* Садово-парковое искусство: Учеб. пос. М., 1978.

³⁶ *Сокольская О. Б.* История садово-паркового искусства: Учеб. для вузов. М., 2004. С. 151–170.

нятную, рациональную планировку с прямыми дорожками, связывавшими вход в дом с воротами и всеми хозяйственными объектами усадьбы».

Особое внимание в учебнике уделяется монастырским садам, которые справедливо рассматриваются здесь как составная часть монастыря и олицетворяют собой образ рая. Характеризуя организацию ландшафтов и садовых насаждений ряда наиболее известных монастырей – Толгского, Троице-Сергиева, Новоиерусалимского, Соловецкого, Валаамского, а также Крутицкого подворья, – автор высказывает и отдельные наблюдения по поводу типологии садов. Всего выделяется два типа: большие плодовые сады за пределами монастыря и малые, в виде палисадников вблизи келий и церквей внутри обителей. Этапной вехой в развитии монастырских садов исследователь считает XIV–XV вв., когда увеличивается территория монастырей и усложняется их планировка, в которую включаются беседки, трельяжи, скамьи, фонтаны и прочие элементы.

Монастырским противопоставляются светские сады, «сосредоточенные именно в Москве и вокруг нее», которые «имели определенное представительское и просветительское значение». Эти сады О. Б. Сокольская подразделяет на следующие типы: 1) государевы и боярские; 2) аптекарские огороды; 3) верховые сады; 4) хозяйственные и увеселительные усадьбы; 5) зверинцы. Впрочем, данная типология представляется недостаточно обоснованной. В частности, в чис-

ло государевых и боярских входили сады различного назначения, в том числе хозяйственные, верховые и т. п. Вызывает недоумение включение автором в одну группу (вслед за А. П. Вергуновым и В. А. Гороховым, оказавшим на автора учебника ощутимое влияние) «хозяйственных и увеселительных» садов³⁷ и причисление к садам зверинцев.

Характеризуя в целом русские сады позднего Средневековья, О. Б. Сокольская отмечает, что они еще не несли в себе определенной художественной идеи, их связь с архитектурой не была развитой, а европейское влияние – значительным. Вместе с тем в них, по мнению исследователя, уже появляются элементы регулярной планировки, малые архитектурные формы, входят в обиход верховые сады и рукотворные рощи, предусматривается сопоставление декоративных форм с природным окружением и художественное осмысление утилитарных насаждений.

В последние годы наблюдается возрастание интереса к монастырским садам, что проявилось после 1000-летней годовщины принятия христианства на Руси и связано с изменением политической ситуации в стране.

Некоторые аспекты семантики средневековых монастырских садов затронул в своей статье А. Г. Мельник.³⁸ Автор

³⁷ См.: *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Вертоград. С. 51.

³⁸ *Мельник А. Г.* К семантике монастырского сада // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1994. М., 1996. С. 517–518.

обратил внимание на то обстоятельство, что кедр и сосна соседствовали с яблонями и другими плодовыми деревьями во многих монастырских садах XVII столетия. Если присутствие в них кедров объясняется особым значением последних в Священном Писании и апокрифической литературе как деревьев, из которых был сделан крест для распятия Иисуса Христа, то сосны на Руси уподоблялись кедром ливанским и даже так же назывались.

Очевидно, что интерес А. Г. Мельника к семантике кедра во многом определило изучение Борисоглебского монастыря, находящегося поблизости от Ростова. В книге того же исследователя об архитектуре Ростова Великого, опубликованной в 1992 г.,³⁹ садам этой обители был посвящен целый раздел. Опираясь на публикации XIX в.⁴⁰ и архивные данные, автор стремится воссоздать в общих чертах историю монастырских садов, в которых имелись и посадки кедров. Ученый указал самые древние из известных на сегодняшний день источники по этой теме. Наиболее ранним из них А. Г. Мельник считает план Борисоглебского монастыря, который был составлен в 1773 г. На нем были отмечены сады в западной части монастыря – «от южных до северных его крепостных стен», – а также в северо-восточной части,

³⁹ Мельник А. Г. Исследование памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 105–113.

⁴⁰ См.: Боголюбский А. Ростовский Борисоглебский монастырь // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. Ч. Неофиц. С. 313.

где к тому же зафиксированы и огороды. Первое же, правда, беглое свидетельство письменных источников о борисоглебских садах относится к 1777 г. Более обстоятельное их архивное описание, обнаруженное специалистом, относится уже к 1800 г. В нем, кроме двух садов, упомянуты еще три пруда. По мнению А. Г. Мельника, большие сады с насаждениями кедров могли быть разбиты в монастыре в конце XVII в., когда проходила основательная перестройка всего архитектурного комплекса и значительно расширилась его территория к югу от старых границ. Впрочем, в работе допускается, что небольшие сады были здесь и раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.